

Слёзы высохли, правда выплыла наружу, но на душе у Чжао Баи так и не полегчало. Внезапно он осознал, насколько непредсказуема человеческая природа — никогда не разберёшь, где искренность, а где притворство. Кто бы мог подумать, что даже в армии возможна подобная низость. Ему казалось, будто перед ним разверзлась невидимая бездна, готовая поглотить его без остатка. Без всяких причин и объяснений его просто затягивало всё глубже.

История с Чжаном Даданем подошла к концу. Из армии его не выгнали. Юань Бинхуа горячо заступился за товарища, и Чжао Баи с самого начала понимал, чем всё закончится: у Бинхуа и Ван Ана была совесть. Дело замяли, не став докладывать наверх. Взводный Ван решил выждать три месяца, а после подать рапорт о несоответствии Чжана Даданя требованиям службы, чтобы того списали в резерв.

Всё утихло так же незаметно, как и началось. Никто не узнал ни о записке, которую Чжан Дадань оставил Ван Эрмао накануне своего признания, ни о том, что он поцеловал Чжао Баи.

Лишь Чжао Баи знал, что именно было написано на том клочке бумаги. И это была одна из главных причин, почему он не мог простить Даданя.

Через три дня после тех событий, перед тем как распустить строй, Ван Ан обратился к Чжао Баи:

— Чжао Баи, после ужина зайди ко мне в кабинет.

Стоя в строю, Чжао Баи на секунду замешкался, прежде чем выкрикнуть ответное «Есть!». Он недоумевал, зачем Ван Ану понадобилось вызывать его на личный разговор. Прошло всего три дня, да и провинностей за ним вроде бы не числилось.

Так и не найдя разумного объяснения, он отказался от компании Ван Эрмао, собиравшегося его поддержать, и в одиночку направился к кабинету взводного. Постучав в дверь, Чжао Баи дождался ответа, громко отрапортовал и вошёл.

Ван Ан, склонившись над столом, что-то быстро писал. Он даже не поднял головы на стук, лишь негромко обронил:

— Пришёл?

Чжао Баи замялся на мгновение, после чего вытянулся по струнке:

— Товарищ взводный, рядовой Чжао Баи по вашему приказанию прибыл!

— Оставь этот уставной тон, — Ван Ан поставил последнюю точку и поднял голову. — Ты ни в чём не провинился. Я хочу поговорить с тобой просто так, как старослужащий с новобранцем. Помнишь, что я на днях сказал командиру роты? Это была не просто отговорка. Я действительно планировал побеседовать с каждым с глазу на глаз. И ты не исключение.

В его взгляде не осталось прежней ледяной остроты. Он смотрел непривычно спокойно и мягко. От такой перемены Чжао Баи даже растерялся. Вздыхая, не улыбаясь, но одного этого мягкого тона было достаточно, чтобы лишить парня сна на всю ночь.

— А... да. О чём же вы хотите поговорить?

— Садись, не стой столбом, — Ван Ан указал на стул напротив своего стола. — Мне неудобно заирать голову.

Чжао Баи послушно сел, сохраняя идеальную строевую осанку.

— Скажи, сильно ли жизнь в роте новобранцев отличается от твоих ожиданий?

Чжао Баи осторожно взглянул на командира. Тот оперся подбородком на переплетённые пальцы тонких бледных рук, и в его антрацитово-чёрных глазах читалось искреннее любопытство.

К щекам Чжао Баи прилила горячая кровь. Этот невозмутимый мужчина был настолько ослепительно хорош собой, что хотелось немедленно рухнуть перед ним на колени и признать безоговорочную капитуляцию. Парень поспешно опустил взгляд, отчаянно борясь с чужим очарованием. Смотреть в эти колдовские глаза было слишком опасно.

— Здесь всё гораздо строже, чем я представлял, — стараясь говорить ровно, начал Чжао Баи. — И дисциплина, и сами тренировки. В теории я обо всём знал, но одно дело читать учебники, и совсем другое — практиковаться на плацу. Поначалу мне действительно приходилось несладко, я долго не мог привыкнуть к армейскому быту, да и...

Он запнулся и искоса глянул на Ван Ана. Командир мгновенно разгадал его нерешительность и закончил фразу сам:

— Да и ко мне тоже? Не мог привыкнуть к моим придиркам, наказаниям и суровости?

Чжао Баи со слабым вздохом кивнул. Он не собирался юлить или трусить. Он не умел красиво говорить, поэтому отвечал только то, что чувствовал на самом деле:

— Но теперь, спустя время... пусть я и не могу сказать, что знаю вас до конца, одно мне известно наверняка: вы потрясающий солдат и прекрасный командир.

Пальцы Ван Ана едва заметно дрогнули, но Чжао Баи успел это заметить. Глядя на его изящные руки, он продолжил:

— И это не лесть. Я многому могу научиться, но вот подлизываться не умею совершенно. Я говорю чистую правду. Вы строги, но справедливы. Уверены в себе, но не высокомерны. Ваше слово — закон, но вы не станете упрямы во вред делу. Каждая тренировка кажется изнурительной, но вы всегда бьёте по слабым местам и заставляете нас их прорабатывать. Это

куда эффективнее, чем бессмысленно повторять одно и то же.

Чжао Баи высказал всё на одном дыхании и замолчал. Не потому, что иссякли слова, а оттого, что заметил на бледных щеках Ван Ана лёгкий румянец. Это было невероятнее, чем если бы среди ясного неба пошёл кровавый дождь.

«Командир... неужели он покраснел?! Вот так чудо!»

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Ван Ан неловко кашлянул и зыркнул на парня так остро, словно полоснул ножом.

«Точно, наш красавец-командир действительно смутился!»

Эта милая черта напомнила Чжао Баи о том, как забавно притирались друг к другу его домашние псы при первой встрече. Едва подавив безумный порыв протянуть руку и потрепать взводного по макушке, он мысленно взял себя в руки, заставляя сосредоточиться на разговоре.

— Поэтому я считаю, что и строгость командира, и тяготы тренировок — это то, через что я обязан пройти, чтобы вырасти над собой. И я искренне рад, что попал именно в четвёртое отделение.

Красивый финал. Будь это школьным сочинением, ему бы точно поставили высший балл. Но главным было другое: Чжао Баи заглянул в душу Ван Ана и показал, что по-настоящему считает себя его подчинённым — бойцом четвёртого отделения, готовым идти за своим командиром до конца.

Ван Ан медленно вдохнул и замер, вглядываясь в лицо Чжао Баи. Похоже, он всё это время чертовски недооценивал парня. Этот Чжао Баи не имел ничего общего с тем изнеженным мальчишкой, каким казался вначале. Ван Ан поймал себя на мысли, что ему и самому не мешало бы поучиться у новобранца умению видеть людей сердцем, а не вешать на них ярлыки.

Чжао Баи спокойно сидел напротив взводного, напоминая студента на вступительном экзамене: ответил на один вопрос и теперь сосредоточенно ждал следующего, готовый тщательно обдумать каждое слово.

Вот только в билете Ван Ана, судя по всему, был заготовлен лишь один-единственный вопрос. Либо пан, либо пропал — здесь не могло быть промежуточных оценок. Чжао Баи не знал, какой вердикт ему вынесут, но даже если за этот ответ ему суждено было получить первый в жизни круглый ноль, он ни секунды не пожалел бы о своих словах и не взял бы их назад.